

Царьградская пленница

Автор:

Александр Волков

Царьградская пленница

Александр Мелентьевич Волков

В стольном граде Киеве правит великий князь Ярослав Мудрый – строитель, политик и просветитель. Но обитателям маленького, далекого от столичного великолепия городка нет дела до князя и его ближних. У них иные заботы – выжить во время непрестанных набегов жестоких степняков – печенегов. И однажды в дом простого рыбака приходит беда – печенеги похищают его жену Ольгу. Где искать ее? Уж не на рабском ли торгу в Константинополе – Царьграде, куда степняки увозят на продажу русских полонянок? Путь до Царьграда не близок и труден. Но героям романа известного отечественного писателя А. Волкова отважному мужу Ольги и ее детям – умному, честному Зоре и красавице Светлане, задумавшим вызволить пленницу, не страшны никакие опасности...

Александр Волков

Царьградская пленница

Часть первая

Ольга

Глава первая

Страшная ночь

Темная весенняя ночь была спокойна. Чуть слышно журчал Днепр под высоким берегом. Тихо колыхались привязанные к кольям челны. Обитатели Черторыя мирно спали в низеньких белых хатах. В предутренней дремоте забылись собаки, не чуя опасности.

А опасность неотвратимо приближалась. Большая шайка печенегов, оставив коней в ближней роще, неслышно окружала поселок. Кочевники старались отрезать жителям Черторыя выходы к реке и в поле.

И вдруг страшный шум наполнил окрестность: раздался гортанный визг печенежских воинов, остервенело залаяли пробудившиеся собаки, заревел скот в хлевах.

Выскочив из домов, люди в ужасе заметались по дворам, по улице, пытаются спастись. Враги были повсюду. Из-под соломенных кровель уже поднимались языки пламени, багровыми сполохами озаряя тьму.

В первые же мгновения вражеского набега рыбак Стоюн вскочил с постели, за ним поднялась испуганная жена Ольга. С печи скатились полусонные дети: шестнадцатилетний Зоря и Светлана, на год моложе брата.

– Скорее в тайник! – прокричал рыбак.

Едва очнувшись от сна, Зоря и Светлана поспешили к лазу, прорытому под задней стеной.

Мать подняла откидную доску, и Светлана поползла по узкому проходу, выведившему в склеп под двором. Брат последовал за ней.

– Зорька, я боюсь! – задыхаясь, прошептала Светлана. – Смертынька наша пришла...

– Ништо! Здесь нас не найдут. Отсидимся. А ты ползи! – Он попытался повернуть назад голову. – Матушка! Где ты, матушка? Скорее спускайся!..

Но Ольга не успела присоединиться к детям. Хату окружили враги. Едва женщина закрыла ход в убежище, как дверь упала под ударами кочевников и зарево близкого пожара осветило избу. Два печенега, отталкивая один другого, лезли в дверной проем.

– Врешь, нас просто не возьмешь! Мы незваных гостей вот так встречаем!..

Рослый силач Стоюн дважды поднял и опустил топор, и нападающие свалились мертвыми. Но силы были слишком неравны. Внезапно в грудь Стоюна возле правого плеча вонзилась стрела, и рыбак рухнул на земляной пол.

Один из печенегов выволок рыдающую Ольгу на улицу, другой поднес факел к соломенной крыше...

Опомнившись от первого испуга, мужики дрались отчаянно. Они пустили в ход вилы, топоры, колья. Некоторым счастливым удавалось прорваться к спокойному Днепру или буйному Черторыю, и они прыгали в челны, отпихиваясь от берега руками. Но иных и там настигала печенежская стрела, и беглец валился вниз головой в темную воду...

Среди всеобщего смятения и разгрома только усадьба княжеского тиуна,[1 - Тиун – управитель князя или боярина] боярина Ставра, держалась крепко. Самого Ставра в эту ночь не случилось дома, но его подручный Григорий Кавун быстро наладил оборону. Липовое било, висевшее посреди двора, надрывалось стелящим, неистовым гулом: «Тревога! Тревога! Все к оружию!..»

Княжеская челядь, укрывшись за высоким частоколом, прильнула к бойницам, и если кто из нападающих приближался к тыну, его поражала меткая стрела.

Такой отпор устрасил кочевников, и они держались поодаль от маленькой крепостцы, возвышавшейся посреди села.

Светало.

Печенеги шныряли по дворам и хатам в поисках добычи и пленных. Русские женщины и девушки дорого ценились на восточных рынках. Красивые, рослые, они попадали в гаремы знатных мусульман. Славянских мальчиков заставляли принять магометанскую религию и воспитывали из них храбрых воинов.

Ольга была связана спиной к спине со стариком Ондреем Малыгой, который тоже попал в плен. Несчастливая женщина потускневшими от слез глазами старалась разглядеть, что делается у их дома. Но дым пожарища заполнил воздух, на улице была суматоха, и Ольга ничего не увидела.

Врагам недешево обошлась ночная битва. Хотя русские и были захвачены врасплох, в схватке полегло много кочевников. На улице виднелись трупы в узорчатых халатах, широких шароварах и мягких сапогах.

Внезапно орда всполошилась. Предводители сзывали людей. Всадники, пронзительно гикая, гнали награбленный скот в степь. Печенеги, снимавшие одежду с убитых, бросили свое занятие и поспешили к лошадям.

Что случилось? Ольга взглянула на Днепр.

– Боже правый! – с надеждой вскрикнула она. – Княжеские дружинники спешат на помощь!

Ондрей Малыга мрачно отозвался:

– Голубка моя, они не успеют. Нехристи наших ждать не станут...

На широкой глади Днепра, курившейся утренним туманом, виднелось несколько больших лодей, наполненных кметами.[2 - Кметы – воины] Быстро поднимались и падали весла, сверкали стальные наконечники копий, блестели лезвия обнаженных мечей. Это киевляне, заметив дым необычного пожарища, спешили на выручку вотчине Ярослава.[3 - Ярослав Мудрый – великий князь Киевский, правил страной с 1019 по 1054 год; вотчина – княжеское или боярское владение]

– Держитесь, братья! Держитесь крепко! – кричали ратники.

Но Ондрей Малыга был прав: помощь явилась слишком поздно. Кочевники бросили медлительных волов и овец, навьючили лошадей награбленным добром, посадили перед собой пленников и на рысях двинулись на восток, топча нивы, покрытые изумрудно-зелеными всходами.

Глава вторая

После набега

Шайка печенега Арслана разорила Черторый в середине месяца травня года 6538-го.[4 - Травень – май; летосчисление в Древней Руси велось от так называемого сотворения мира, которое, по учению церкви, произошло за 5508 лет до нашей эры. Таким образом, 6538 год от сотворения мира соответствовал 1030 году нашей эры]

Крупные набеги многочисленных орд в то время уже прекратились, но небольшие отряды разбойников, набегавшие из Дикого Поля,[5 - Дикое Поле – старинное название степей между Доном, верхней Окой и левыми притоками Днепра] проскальзывали между пограничными укреплениями, возведенными по берегам рек Стугны, Ирпени и Трубежа, и уходили обратно, оставляя за собой смерть и разрушение.

Подожженные кочевниками хаты пылали. Киевские воины, челядь боярина Ставра и уцелевшие жители села тушили пожары.

Кузнец Трофим проник в горевшую хату Стоюна и выволок оттуда рыбака. Он притащил из реки воды в шапке и стал лить на голову Стоюна. Тот открыл глаза.

– Живой! – радостно воскликнул кузнец.

– Хату гасите... – прошептал Стоюн. – Ольгушка... Детей из тайника...

Трофим созвал людей. Огонь быстро потушили. Детям рыбака покричали, что опасность миновала, и наглотававшиеся дыма Светлана и Зоря выползли на воздух.

– А где же родимая? – растерянно спросила Светлана, озираясь вокруг.

– И впрямь матушки не видать, – удивленно пробормотал Зоря.

Соседка Акулина горестно покачала головой.

– Увели вашу родимую нехристи, – печально сказала она. – Бедные сиротинушки! И батю вашего не пощадили окаянные!..

Нежданное горе потрясло детей. Светлана заголосила. Зорю охватило желание бежать за похитителями, вступить с ними в борьбу и отбить мать. Но юноша понял, что не с его слабыми силами избыть беду, и горестно склонился над отцом.

Среди хаоса и разрушения начал восстанавливаться порядок. За дело принялся княжий тиун Ставр. По его приказу мертвых поселян сносили в одно место, чтобы потом предать христианскому погребению. А трупы печенегов сбрасывали в быстрый Черторый, и волны с плеском подхватывали их и уносили прочь.

Раненых перевязывали, укладывали на мягкую рухлядь, вытащенную из хат, поили водой. Женщины спускались в тайники, вытаскивали ревущих детей, успокаивали, кормили.

Пожары прекратились, и лишь кое-где из-под соломенных крыш вырывался сизый дымок. День наступал яркий и радостный, но сумрачно было на душе у людей: они потеряли близких и свое добро, нажитое годами тяжелого труда.

Особенно горько обитателям Черторья было слушать упреки сурового боярина Ставра.

Он не потерпел от набега никакого урона. Но управитель боялся, что пострадают княжеские доходы, и укорял сельчан за то, что не выставляли по ночам стражу.

Боярин Ставр приказал собрать всех жителей села.

– Никому потачки не дам! Как князю платили в прошлые годы, так и ныне отдадите! Хоть из земли выкопайте, а чтобы оброк был вовремя внесен! – грозно объявил боярин.

Смерды,[б - Смерд – в Древней Руси крестьянин, находившийся в феодальной зависимости от князя или боярина] тайно злобясь, слушали эти жестокие слова. А Угар, сильный, высокий мужик, сжимавший в жилистой руке дубину, которой еще недавно уложил трех печенегов, гневно шептал:

– Хватить бы тебя дубьем, чтобы перестал лаять на мир!..

Поселяне разошлись по дворам. Жизнь, неумолимая жизнь, предъявляла свои требования. Сейчас – горе, впереди – заботы... Надо прокормиться самим, да и князю внести оброк.

Зорю с другими подростками отправили в поле – собирать стадо, которое печенеги оставили в спешке. И тут оказалось, что разбойники перекололи почти всех волов.

Люди поспешили снять с убитого скота шкуры и заготовить впрок мясо: деревню ждали трудные времена.

Безутешная Светлана отдалась заботам об отце. Она пробралась в дом, сорвала с оконца бычий пузырь и, стоя посреди хаты, махала рушником, выгоняя дым в окно и в дверь. Натаскала соломы на постель, и люди перенесли в избу бесчувственного Стоюна. Раненый хрипло и прерывисто дышал, на губах вскипала кровавая пена.

Когда с него сняли рубаху, на правой стороне груди увидели конец обломившейся стрелы.

Старик знахарь Агей, выбравшийся из подпола своей избенки, осторожно извлек стрелу из груди Стоюна. Он залепил рану хлебным мякишем, смешав его с паутиной.

Затем туго затянул грудь раненого полотенцем и повернулся к заплаканной Светлане...

– Не горюй, дочка, у тебя еще не все пропало. Матушку твою увели, зато батько будет жив.

Обрадованная девушка бросилась на шею старику. А тот, оглянувшись вокруг, нет ли поблизости доносчика, прошептал:

– Перуну молись, касатка! Нашему Перуну и Дажбогу:[7 - Перун – главное божество древних славян, повелитель грома и молнии. Дажбог – бог солнца, огня, добра и изобилия.] они вернут твоему отцу силу, мать в неволе сохранят. А христианский бог – он нам чужой, он грекам благоволит, а до русичей ему дела нет.

Светлана тоже шепотом пообещала:

– Я стану нашим богам молиться, деду, и за матушку, и за батю!

– Вот и ладно, ласточка! – обрадовался Агей. – А ты домовому хлеб под печь кладешь? – поинтересовался он.

– Зачем, деду?

– Ну как же! Это он избу и ее хозяев хранит. Вот и вашу хату от огня сберег.

– Буду класть, деду!

– А я тебе мазь принесу, добрую мазь из семи целебных трав: хорошо раны залечивает и огневицу[8 - Огневица – лихорадка] выгоняет.

Светлана горячо благодарила доброго старика.

Стоюн пришел в сознание только на третий день. Первое время ему не говорили, что Ольга уведена в плен. Но скрывать от рыбака горестное известие с каждым днем становилось труднее. Когда больному обо всем рассказали, он несколько дней находился на краю гибели. Только ласки и заботы детей, неотступно находившихся у его постели, спасли Стоюна.

Раненого утешал мудрый знахарь Агей, ежедневно его навещавший.

– Крепись, человече! – говорил Агей, ласково глядя на Стоюна выцветшими голубыми глазами. – Тебе детей поставить на ноги надобно. Мыслишь ли ты о том? Да и жену, может, еще увидишь, хотя и в плену она. Разве тебе неведомо, что полоняников выкупают?

– Мне это ведомо. Да чтобы выкупить, потребно знать, где Ольга. И без казны дело не сладить.

– Казну накопишь, а полоняники, бывает, и объявляются.

Как ни слаба была эта надежда, она благотворно подействовала на больного. Он решил: «Не поддамся, тебе, смерть, ни с чем уйдешь, старая!»

Стоюн начал поправляться. Он сам напоминал Светлане, чтобы девушка ставила под печь домовому хлеб и плошку с молоком – благо корова уцелела во время набега.

Хлеб оставался, молоко исчезало. Семья и этим была довольна:

– Любит наш батюшка молочко!

И все-таки выздоровление больного шло очень медленно, и немало выпил он топленого медвежьего жира, очищающего дыхание. Этим жиром Стоюна соседски снабжал охотник Горислав.

Намного быстрее вылез бы от раны богатырь-рыбак, если бы на душе у него было спокойно. Но покоя не было. Каждую ночь он видел во сне, как печенегии уводят Ольгу в плен. Стоюн метался на постели, дико кричал:

– Бей их! Бей проклятых нехристей!..

Светлана просыпалась, будила отца, и тот долго не мог прийти в себя.

Над полями и лесами шел во всей своей величественной красе серпень,[9 - Серпень – август] когда Стоюн в первый раз после печенежского набега, сопровождаемый Зорей, сел в челн с веслом в руках. Все-таки жизнь взяла свое,

и рыбаку отрадно было чувствовать новую силу в мышцах, отвыкших от работы, и видеть, как послушный челн режет волны быстрого Черторья.

Во время долгой болезни Стоюна село отстроилось. Кто был позажиточнее, у кого в тайнике стояли сундуки, а в сундуках хранились куньи и лисьи меха, те отправлялись в Угорское[10 - Угорское – село на правом берегу Днепра ниже Киева, где была обширная торговая пристань.] и там на пристани покупали избу. Изба качалась на воде в виде плота с перемеченными бревнами, с досками для потолка, с дверными и оконными косяками. Эти плоты пригоняли умельцы из богатых лесами верховий Днепра.

Покупку сплавляли в Черторый. И там мастер-домостроитель в два-три дня собирал жильё и вместе с хозяевами праздновал скромное новоселье.

А у кого в кошеле не водились гривны и ногаты,[11 - Гривны и ногаты – денежные единицы в Древней Руси] те поступали по-другому. В те времена смердам под тяжелым княжеским гнетом жилось трудно, и они держались большой дружной семьей... делили друг с другом и горе и радость, издавна привыкли помогать тем, на кого сваливалась беда. Ставивший избу собирал помочь. Помочане рубили на островах колья и прутья, колья вбивались в землю, оплетались прутьями, плетень обмазывался снаружи и изнутри глиной, жаркое южное солнце высушивало хату, и жить в ней было ничуть не хуже, чем в рубленой избе.

Соседи помогли Стоюну – соорудили новую соломенную кровлю. Светлана с подругами обмазали и побелили хату, и она стояла нарядная, сверкая свежей соломой на крыше. Добра печенегии успели утащить немного, и все было бы хорошо, но Стоюна и его детей не покидала одна неотвязная мысль: «Нет нашей родимой... Горюет она в чужой, дальней стороне...»

Глава третья

Печенежская степь

Уже несколько дней шайка Арслана уходила на юго-восток. Первое время, пока не осталась позади цепь русских застав, разбойники спешили, боясь преследования.

– Торопиться надо, а то догонит рус, – переговаривались печенеги, подгоняя лошадей.

Они были грозой мирных жителей, а с княжескими ратниками сражаться не решались.

Потом кочевники успокоились, и движение отряда замедлилось. Кони бежали неспешной рысью, топчя некошенные травы. Над караваном высоко в небе парили орлы, а по следу шли волчьи стаи: хищники чуяли, что им будет хорошая пожива. Печенеги бросали в степи трупы невольников, не перенесших тягот пути.

Без конца, без края расстилалась вокруг ковыльная степь, и по ней от ветра катились волны, словно в море. Часто встречались насыпанные бог весть кем курганы – могилы давно забытых вождей. Разбросанные по равнине, равнодушными глазами смотрели на людей каменные бабы...

Ночью над степью расстилалось темное южное небо с мириадами ярких звезд. Отряд останавливался на ночлег.

– Кончай ехать, начинай отдыхать! – распорядился Арслан. – Дать русам по куску конины да бурдюк воды. Пускай пьют-едят. Мы хорошие, ха-ха-ха!

– Куда побегут? – рассуждали печенеги. – Кругом степь, в степи волк, над степью орел. От нас не уйдешь!

И несколько десятков мужчин, женщин и подростков сбивались у костра, горестно разговаривали о своей беде.

Через несколько дней случилось большое несчастье. Вечером один из кочевников обратился к Арслану:

– Мясо кончилось, господин. Что прикажешь делать? Охоту начинать?

В поймах встречавшихся по пути речек, заросших камышом и кустарником, было полно болотной птицы, кабанов, лосей. Но Арслан лениво сказал:

– Зачем охота? Зарежьте три лошади!

Сырое конское мясо, провяленное под седельными потниками, было любимой пищей степняков.

– А как с пленниками? Лошадей на всех не хватит.

– Э, не знаешь? – зевая, протянул Арслан. – В первый, что ли, раз? Прикончите пленных, кто послабее. Вот и хватит лошадей.

Погибли два подростка и Наталья, добрая пожилая женщина, постоянно заботившаяся о товарищах по неволе. Все трое слегка прихварывали, но стойко переносили тяготы похода. Это трагическое происшествие застало русских пленников врасплох: их привела в ужас такая жестокая, бессмысленная расправа.

Прошло больше недели. Заготовленное мясо было съедено. И Арслан снова приказал резать лошадей. Но теперь русские знали, что за этим последует, и их охватил ужас. Кому пришел черед упасть под ножом жестокого степняка?

И тут Ольгу охватил безудержный порыв. Не помня себя, бледная, с горящими глазами, она бросилась к печенежскому князьку.

– Не позволим убивать коней! – яростно выкрикнула Ольга. – Охоту устройте, лосей, диких коз на мясо бейте!

Ее слова перевел Ондрей Малыга. Побывавший в плену у кочевников, он знал печенежский язык.

Удивленный Арслан возразил:

– Какое тебе дело, женщина! Наши кони, что хотим, то и делаем. Хотим едем, хотим – режем.

– Кабы вы только коней резали! – продолжала Ольга. – А то вы наших людей убиваете, что на этих конях сидят. За что вы их лютой смерти предаете?

– Я тебя первую зарежу, сердитая баба, чтобы ты не баламутила людей! – пригрозил Арслан.

Но как только Малыга перевел его слова, в толпе пленников произошло движение.

Несколько человек сразу бросились к предводителю шайки.

– Всех режь! – раздались грозные голоса. – Убивай всех подряд, поганая рожа! Здесь, на степи останемся лежать! Шагу не ступим отсюда!..

Бунт невольников удивил и испугал Арслана. Раньше такого никогда не бывало.

Кочевник понимал, что всему виной Ольга, но убить ее не решился. Он чувствовал, что за этим последует смерть многих, а это было ему невыгодно.

– Плетями заporю! – закричал Арслан.

Русские решительно наступали на печенегов. И видно было, что пленников покинул страх и они готовы на все.

Арслан уступил. Перебить всех невольников не входило в его расчеты. Какая польза от этого ему, Арслану?

– У, храбрая баба! – с кривой усмешкой молвил князек. – Сильно храбрая! В жены тебя возьму, ты мне смелых батыров[12 - Батыр – богатырь] родишь.

– Живой не дамся! – крикнула Ольга.

Кочевники остановились в первой попавшейся речной долине, набили дичи и наготовили мяса на много дней пути.

Слабые и больные пленники смотрели на Ольгу с обожанием – они понимали, что обязаны ей жизнью.

Среди невольников большим уважением пользовался дед Ондрей Малыга. Как многие старики, он любил поговорить и обычно заканчивал свою речь каким-либо нравоучением.

– Жизнь пережить не поле перейти, – говорил Малыга на другой день после столкновения с печенегами. – Много в ней и плохого и хорошего. Терпеть и крепиться надобно. Вот поглядите на меня: держусь и сила есть, а ведь немало годов прожил я у поганых...

Старик начал долгий рассказ о том, как схватили его и других горемык злые вороги, набежавшие на Русь в последний год княжения Владимира Святославича.[13 - Владимир Святославич – по былинному сказанию – Красное Солнышко. Год рождения неизвестен, умер в 1015 году. Великим князем Киевским был примерно с 980 года]

– Вот так же гнали нас Диким Полем сначала на восход солнца, а потом на полдень, – неспешно повествовал Ондрей, разгребая ветки в костре, чтобы лучше горели. – Мыслил я тогда: «Николи уж не будет мне ни жизни, ни воли...» Ан нет, по-другому вышло!

– Спасся ты, дедынька? – наивно спросил подросток Сысойка.

– А как бы ты думал?! Шесть годов протомился я в полону в печенежском стойбище, это верно. А потом послал князь Ярослав большую силу, да как ударила та сила на нехристей, враз разбежались они по всей степи, а русские полоняники домой возвратились.

– Я помню, деду, как ты на Черторый пришел, – откликнулась Ольга. – У меня тогда Зорьке седьмой годок шел.

– Да, девять лет я у вас с той поры пробыл, и опять довелось в неволю идти! – со вздохом сказал Малыга.

– Почему так получилось, деду? – спросил один из слушателей. – Говоришь, княжья рать погромила неверных, а ныне сызнова они верх берут. Али силы нашей не хватило утвердить за собой эту землю? Ведь она страсть хорошо должна хлеб родить...

Старик ответил:

– Силы нашей русской на все хватило бы, да князя не в ладу живут. Вот нашего хоть бы взять Ярослава: немало годов пришлось ему с братом Святополком биться, доколе не одолел он его и не укрепился на киевском столе. А битвы эти нам дорого стоят: русских воев кровь там льется, а ведь на этой крови земля наша держится...

Каждый вечер предводитель шайки кривой Арслан расставлял вокруг стана сторожевые посты, которые менялись по три раза в ночь.

– Зачем это, деду? – спросил как-то раз Ондreja молоденький Сысойка. – Какому быть врагу в глухой степи? Здесь не токмо городов, а и сел-то нет. Одни каменные бабы торчат.

– Своих опасается, – объяснил Ондreja Малыга. – Они добычу у нас взяли, а другое племя может ее перехватить.

Слова деда Ондreja оказались пророческими. В одну из ночей чутко дремавших пленников разбудил гортанный визг кочевников.

– Выследили Арсланку, – сказал Малыга. – Вишь, бьются.

В темноте дрались всадники и пешие, слышался бешеный храп лошадей, доносились боевые крики и стоны раненых. Нападающие потерпели поражение и рассеялись по степи. Утром русские увидели на земле несколько трупов. Убитых раздели, но хоронить не стали. Караван двинулся в путь.

Глава четвертая

Невольничий рынок

Остался позади страшный тысячеверстный[14 - Верста – старинная мера длины, немного больше километра] путь, остались в Диком Поле в добычу зверям и хищным птицам трупы погибших невольников. По верованиям славян, души непогребенных носились по ночам над пустынной степью, оплакивая свою печальную судьбу. И горе запоздалому путнику, встретившему эти мрачные призраки...

Вдали, на высоком, правом берегу Северского Донца зачернели низкие, скученные строения: город Сугров.[15 - Сугров – сначала печенежский, а потом половецкий город на правом берегу Северского Донца (приток Дона)] Пленники горестно опустили головы: исчезла последняя надежда возвратиться на родину.

В Сугрове заметили приближение каравана. Из хижин высыпал народ: растрепанные грязные женщины, увешанные монистами, голые чумазые ребятишки.

– Наши вернулись! Наши полон ведут!.. – радостно кричали встречавшие.

После величавого Киева с его пышными боярскими хоромами, златоглавыми каменными церквами и мощными укреплениями русским невольникам казалось странным, что беспорядочное нагромождение мазанок Сугрова тоже называлось городом.

Однако для бесчисленных мелких орд, разбросанных на сотни верст вокруг по степям, Сугров служил важным торговым центром, куда кочевники наведывались по три-четыре раза в год.

Сугров был известен и в дальних южных краях. Сюда приезжали купцы из Крыма, с Дуная и даже из самого Царьграда.[16 - Царьград, или Константинополь, – город, расположенный у Босфорского пролива, ведущего из Черного моря в Мраморное. В течение более тысячи лет был столицей Византийской империи]

Ондрей Малыга хорошо знал Сугров по первому плену. Он объяснял Ольге:

– Земля эта допреж наша, русская, была, и наши люди ее населяли. А потом набежали поганые – тому уж два века будет, и многие русичи так и остались тут.

– Как же они с неверными уживаются? – удивилась Ольга.

– Ох, касатка, нашему брату, хлебопашцу, нигде не сладко. На родине, вестимо, лучше, однако и там гнем шею под боярским ярмом. А здесь оброк с наших берут печенежские каганы – сиречь, князья – и тем хлебом торгуют с чужими краями.

Кочевники не нуждались в хлебе: главной пищей им служили конина, баранина, просо, кумыс. Пшеницу они сбывали греческим купцам, а в обмен получали вина, оружие, посуду, ткани.

Владение Арслана, одного из князьков Сугрова, представляло собой скопление больших юрт, сплетенных из прутьев и обмазанных навозом с глиной, где копошилось многочисленное потомство вождя. Под ногами вертелось множество собак, а на юртах сидели вороны, поджидая, когда хозяйки выбросят объедки. Стоял шум, гвалт.

Ольгу и других пленниц Арслана впихнули в сарай, ютившийся на задворках, и закрыли за ними плетеную дверь.

– Ох, бабоньки, вот и всё! – горько молвила сухощавая смуглая Томилица с длинными косами, туго уложенными на голове и скрытыми под платком. – Кончилась наша жизнь...

Потянулись тоскливые дни плена. До большой летней ярмарки, куда съезжались купцы с богатого юга, оставался месяц. Русских пленников, приведенных в Сугров из-под Киева, из-под Чернигова, Любеча и из других русских городов и сел, насчитывались многие сотни. Они могли свободно бродить по городу и его окрестностям: хозяева знали, что рабам нет пути на Русь через бесконечные версты голодной, бездорожной степи. И люди уходили из душных юрт на Донец и там отдыхали от городского шума и гама, мыли и сушили обветшавшую одежду, чинили ее.

У деда Ондreja Малыги никого не осталось в Черторые, и он смотрел на товарищей по неволе как на родных. Он сдружился с местными русскими стариками, достал у них рыболовную снасть и ловил упористых сазанов, колючих

судаков, зубастых шересперов. Зажарив добычу, раздобыв в русской хате хлеба, Ондрей кормил своих землячек и особенно Ольгу, которую любил, как дочь. Женщины ели с охотой. Им наскучила однообразная пища кочевников: мясо, кумыс, просо, кумыс, мясо... А если кто стеснялся или капризничал, Малыга строго прикрикивал:

– Ешьте, ешьте, держитесь в теле! Лучше за хорошую цену пойти да к доброму хозяину попасть, чем к какому-нибудь сквалыге, что за дешевкой гонится!

Впрочем, и сами рабовладельцы проявляли некоторую заботу о пленниках: им было выгодно продать своих рабов подороже. Поэтому они не заставляли их работать и сносно кормили.

Наступил первый день ярмарки. Невольники сидели на обширном поле близ города в безнадежном отчаянии. Но их чувства не трогали ни рабовладельцев, ни привычных ко всему купцов, собравшихся из ближних и дальних стран, как коршуны на добычу.

Они осматривали людей: щупали мускулы, заставляли приседать и прохаживаться, допытывались, нет ли у человека скрытой немочи. Они узнавали, к чему способен раб, знает ли какое-нибудь ремесло.

Хорошую цену платили за конюхов и кожевников, еще дороже стоили кузнецы и оружейники, но самую высокую плату давали за опытных домоправителей, особенно знавших греческую речь. На такой товар был спрос в богатых византийских домах.

В женщинах и девушках ценились молодость, красота, высокий рост, статность.

Пожилые женщины шли за хорошую цену лишь в том случае, если умели хорошо стряпать. В противном случае они продавались за бесценок, и уделом их была черная работа до конца жизни.

Пленниц Арслана купил византиец Херимон. Ему же дешево достался Ондрей Малыга. И женщины этому очень обрадовались: по крайней мере, хоть до Царьграда не расстанутся они со своим мудрым наставником.

Купец Херимон не показался Ондрею жестоким и придирчивым человеком, и думалось, что он будет хорошо обращаться с пленниками хотя бы из-за собственной выгоды.

Через несколько дней караван из тридцати рабов и двадцати лошадей, навьюченных зерном, двинулся на юг, к устью Дона, или Танаиса, как его называли греки. Там предстояла посадка на корабль.

Воинов не было при караване, ему не грозила опасность. Купцы беспрепятственно приезжали в печенежскую степь с любым товаром и также свободно вывозили закупленное. Достаточно было раз-другой обидеть гостей – и весть об этом разнесется повсюду, торговля замрет, и больше всего потеряют от этого сами же печенеги. Вот почему печенежские каганы строго следили, чтобы мелкие бродячие шайки не нападали на купеческие караваны, идущие в Сугров и обратно.

Невольники медленно брели по выжженной солнцем степи, низко опустив голову. Их обгоняли катившиеся по ветру сухие, жесткие шары перекати-поля.

Глава пятая

Скорбный путь

Невольничий караван Херимона шел к Сурожскому морю[17 - Сурожское море – древнее название Азовского моря] по безводным местам. Высохшие от летнего зноя степи были пустыни. На ночлег останавливались около колодцев, вырытых в старые времена. Утром, уходя в дорогу, слуги Херимона набирали воды в бурдюки и навьючивали на лошадей, сопровождавших караван.

Здесь ослабевших не убивали, как это делали кочевники. Их поили водой, усаживали на коней, заботливо укрывали от солнца. Во всем чувствовался трезвый расчет, хозяйская бережливость. Люди понимали, что они превратились в товар, цена которого зависит от его сохранности.

Ни волки, ни коршуны не сопровождали купеческие караваны: они чуяли, что тут им не будет поживы.

Днем, в самую жару, устраивался продолжительный привал. Для невольников раскидывались навесы, где они могли отдохнуть от утомительного пути. Четыреста верст от Сугрова до Танаиса прошли за три недели: купец не торопился – он знал, что длинные переходы истощают людей.

В устье Дона стояли купеческие корабли, поджидавшие торговцев людьми. По большей части это были двухмачтовые нефы – высокобортные парусные суда, перевозившие за один раз сотни людей.

В них все было предусмотрено для размещения невольников: в трюме возвышались один над другим три ряда нар, где люди лежали, тесно прижавшись друг к другу, и каждый был прикован за ногу цепью.

Когда «Синопа» вместила в свои обширные недра несколько невольничьих караванов, матросы подняли якоря. Паруса надулись, и неф тронулся в путь, рассекая волны.

– Деду, а зачем нас заковали? – спросила Ольга Малыгу, когда невольников водворили в трюм. – Разве можно отсюда уйти?

– Э, голубка, бывали случаи, – отвечал старик. – Слышал я: восставали наши, хозяев топили в море и держали путь на восход солнца. А там, на востоке, лежит наша русская земля Тмутаракань, вотчина Мстислава Володимировича, брата нашего князя.

– А почему бы Мстиславу не послать в море лодьи с кметами, чтобы отбили нас – бедных невольников?

– Не хочет князь ссориться с сильными соседями из-за простого люда. Ежели он задираться станет, они тем же ответят. Вот и плывут невольничьи корабли мимо русской Тмутаракани...

Женщины плакали. Родина была такой недоступной, далекой!

Попутный ветер раздувал косые паруса нефа, и он бежал по морю, колыхаясь на волнах. Невольников, заключенных в душном трюме, начала одолевать морская болезнь.

– Эй, Гервасий, давай сюда! – то и дело раздавался зычный крик. – Вот эту, черную, надо расковать, совсем как неживая лежит. Тащи ее на палубу – небось отойдет. А ты, Пармен, бери эту, длинную!.. Эх, какой слабый народ пошел! А помню, в старину...

– Ну, пустился наш Памфалон в воспоминания, – посмеивались матросы над говорливым стариком.

Неделю продолжалось плавание от Керченского пролива до Босфора. И каждый день умирали четыре-пять человек, за которыми не успевала доглядеть стража. Херимон и другие рабовладельцы проклинали судьбу и жаловались на убытки.

Но вот «Синопа» оставила позади Русское море[18 - Так в старину называлось Черное море] и вошла в длинный, узкий Босфор.

Еще задолго до прибытия в Царьград надсмотрщики начали расковывать рабов и партиями выводить на воздух.

Ольга, Ондрей, Томилица и другие невольники Херимона лежали на палубе и смотрели на зеленые берега Босфора, мимо которых скользил корабль. Богатая, но чужая земля была перед пленниками. Они равнодушно глядели на беломраморные дворцы с колоннами, возносившимися точно из зеркальных вод, на стройные храмы, на монастыри, укрывшиеся за стенами, на низкорослые южные сосны.

– Недолго осталось нам быть вместе, родимые, – грустно сказал Ондрей. Вот разберут всех по рукам, и не увидимся друг с дружкой...

Корабль причалил к одной из царьградских пристаней. Русские рабы были так утомлены трудной дорогой, что не обращали внимания на чудеса великого города, в который их забросила судьба. Невидящими глазами взглянули они на купол святой Софии, вздымавшийся над всеми городскими зданиями; молча прошли по шумным, многолюдным улицам и очутились в доме Херимона, расположенном вблизи форума[19 - Форум – в Древнем Риме и Царьграде

площадь, рынок, вообще место, где собиралось много народу] Константина.

Херимон три недели откармливал рабов, прежде чем вывести на рынок: он хотел выставить товар в лучшем виде. Невольники ничего не делали. Они получали жирную, сытную пищу, могли лежать по целым дням. И купец добился своей цели.

Рабы поправились, на щеках заиграл румянец, исчезли синяки под глазами. А что в глазах залегла неисходная скорбь, что с уст навсегда исчезла улыбка – кому было до этого дело! Невольник – рабочая скотина, от него ждут не веселых песен, а тяжелого труда. И если он здоров и силен, ничего больше и не требуется.

Невольников продавали на Египетском рынке, недалеко от моста через Золотой Рог.[20 - узкий залив, вдавшийся в сушу и изогнутый наподобие козьего рога; он делит городскую территорию на две части] Там были крытые галереи с возвышениями, на которые выводили рабов. Каждый покупатель мог подняться по ступенькам, осмотреть раба, пощупать мускулы, поглядеть зубы.

Ольгу купил аргиропрат[21 - Аргиропрат (греч.) – ювелир] Андрокл. Он заплатил за нее восемь номисм[22 - Номисма (греч.) – в то время около пяти рублей золотом. Двум греческим номисмам соответствовала русская денежная единица – гривна серебра] – высокая цена за рабыню в Царьграде. Но Андроклу понравился сильный, стройный стан женщины, ее густые русые косы, собранные короной на голове. А ювелиру, ценителю женской красоты, нужна была для сына Стратона видная собою нянька.

Довольный выгодной продажей, Херимон уступил ювелиру за бесценок Ондreja Малыгу.

Грек купил старика лишь после того, как тот поднял тяжелую гирю, лежавшую на помосте.

– О, сила у тебя еще есть! – улыбнулся довольный Андрокл.

Сам он был не очень-то силен: коротенький и толстый, кривоногий, с большим крючковатым носом и круглыми немигающими глазами, Андрокл смахивал на сову.

Впервые за несколько месяцев Ольга и Андрей подумали, что бог еще не совсем отвернулся от них. Вдвоем им легче будет переносить тяготы плена...

Андрокл отправился на ипподром, где начинались конские бега, а его новые рабы простились с товарищами по неволе, которых еще не продали.

- Прощайте, подруженьки, прощайте, милые!.. - Ольга со слезами обнимала и целовала Дарью, Томилицу, Анюту, расставаясь с ними. - Дай вам боже силы перенести рабскую долю!

- Прощай, Ольгуша, не забывай нас!.. Прощай, дедушка Андрей! Богу за нас молитесь!..

Прощание прервал домоправитель ювелира Епифан. Он повел рабов в дом хозяина, расположенный на Псамафийской улице, в регионе[23 - Регион (греч.) - район] того же названия.

Дорогой Епифан на плохом русском языке расхваливал богатство и щедрость Андрокла.

Глава шестая

На новом месте

Андрей и Ольга шли по многолюдным улицам Царьграда. В этот знойный августовский день горожане не сидели дома в душных комнатах. Они гуляли под портиками[24 - Порттик - крытая галерея с колоннадой, примыкающая к зданию] или в тенистых аллеях. Там можно было выпить бокал вина, обменяться новостями с друзьями, поглазеть на прохожих.

Царьград в те времена являлся главным мировым торговым центром, и на его улицах встречались выходцы со всех уголков земли. Вот проходит черный, как сажа, нубиец в ослепительно белом бурнусе,[25 - Бурнус - род плаща у восточных народов] с саблей за поясом. Следом за ним шагает громадного роста германец с длинной рыжей бородой, в кожаной одежде, в высоких сапогах. Он

безоружен, но его мощный волосатый кулак способен раздробить любую голову. В пестрой уличной толпе смешались арабы, мадьяры, персы, евреи.

- Настоящее столпотворение! - удивлялся Ондрей Малыга.

Улицы и форумы кишели нищими, увеличивая суматоху. Они назойливо просили подаяния, показывая прохожим свои болячки. И если получали отказ, не скупилась на оскорбления.

На улицах не меньше, чем нищих, было попов и монахов, длинные черные рясы которых мелькали повсюду. Заунывно кричали водоносы с кувшинами на плечах, предлагавшие жаждущим свой товар.

Пешеходов обгоняли разукрашенные кареты, сквозь стеклянные окна которых виднелись надменные лица аристократок, спешивших с очередными визитами. Часто проезжали всадники. Царьград раскинулся широко, и деловые люди, чтобы не тратить попусту времени, разъезжали по городу верхом. Лошадь в любом месте можно было поручить оборванцу, получавшему за это не более оболы.[26 - Обол - мелкая монета в Греции]

Под портиками помещались столы менял-трапезитов, они за небольшую плату разменивали золото любой страны на византийскую монету. Около трапезитов толпился народ, позвякивая деньгами.

То и дело встречались эргастерии[27 - Эргастерий (греч.) - лавка, она же мастерская ремесленника] портных, сапожников, ювелиров. Нарядные платья, обувь и особенно драгоценности, выставленные в витринах, привлекали взоры зевак, которым некуда было девать время.

Улицы далеко не блистали чистотой. По бокам мостовой проходили канавки, и в них плескалась зловонная жидкость, валялись отбросы. Нечистоты убирались только по ночам. И это в городе, который его обитатели называли «богохранимой царицей городов», «великим славным городом», «вторым Римом»...[28 - Подлинные выражения из византийских книг того времени]

В те времена Царьград действительно был средоточием всех богатств земли. Там роскошь и нищета пребывали рядом. По бокам узких, кривых улиц стояли многоэтажные каменные дома с каморками для бедняков, а неподалеку

возвышались храмы[29 - Французский историк Дюканж (XVII век) насчитывал в Константинополе 268 церквей и 121 монастырь]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тиун – управитель князя или боярина

2

Кметы – воины

3

Ярослав Мудрый – великий князь Киевский, правил страной с 1019 по 1054 год;
вотчина – княжеское или боярское владение

4

Травень – май; летосчисление в Древней Руси велось от так называемого сотворения мира, которое, по учению церкви, произошло за 5508 лет до нашей эры.

Таким образом, 6538 год от сотворения мира соответствовал 1030 году нашей эры

5

Дикое Поле – старинное название степей между Доном, верхней Окой и левыми притоками Днепра

6

Смерд – в Древней Руси крестьянин, находившийся в феодальной зависимости от князя или боярина

7

Перун – главное божество древних славян, повелитель грома и молнии. Дажбог – бог солнца, огня, добра и изобилия.

8

Огневица – лихорадка

9

Серпень – август

10

Угорское – село на правом берегу Днепра ниже Киева, где была обширная торговая пристань.

11

Гривны и ногаты – денежные единицы в Древней Руси

12

Батыр – богатырь

13

Владимир Святославич – по былинному сказанию – Красное Солнышко. Год рождения неизвестен, умер в 1015 году. Великим князем Киевским был примерно с 980 года

14

Верста – старинная мера длины, немного больше километра

15

Сугров – сначала печенежский, а потом половецкий город на правом берегу Северского Донца (приток Дона)

16

Царьград, или Константинополь, – город, расположенный у Босфорского пролива, ведущего из Черного моря в Мраморное. В течение более тысячи лет был столицей Византийской империи

17

Сурожское море – древнее название Азовского моря

18

Так в старину называлось Черное море

19

Форум – в Древнем Риме и Царьграде площадь, рынок, вообще место, где собиралось много народу

20

узкий залив, вдавшийся в сушу и изогнутый наподобие козьего рога; он делит городскую территорию на две части

21

Аргиропрат (греч.) – ювелир

22

Номисма (греч.) – в то время около пяти рублей золотом. Двум греческим номисмам соответствовала русская денежная единица – гривна серебра

23

Регион (греч.) – район

24

Портик – крытая галерея с колоннадой, примыкающая к зданию

25

Бурнус – род плаща у восточных народов

26

Обол – мелкая монета в Греции

27

Эргастерий (греч.) – лавка, она же мастерская ремесленника

28

Подлинные выражения из византийских книг того времени

29

Французский историк Дюканж (XVII век) насчитывал в Константинополе 268 церквей и 121 монастырь

Купити: <https://tellnovel.com/aleksandr-volkov/car-gradskaya-plennica>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)